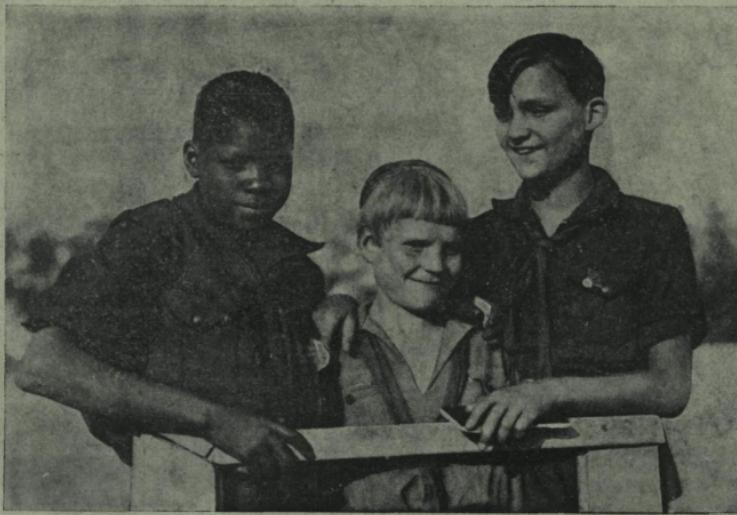
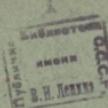

С М Е Н А

ЦЕНА 10 коп.

XX 101
— Т

16

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

НАШ ПРИВЕТ СМЕНЕ СМЕНЫ!! На фото—вверху: делегаты Южн. Америки, Москвы и Германии на трибуне митинга в день открытия Всесоюзного слета пионеров; внизу—прибытие в Москву делегации пионеров калмыцкой области.

ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ ПЯТИЛЕТКИ, ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ! Ударная бригада работниц ткацкой фабрики им. Щербакова на слете ударников в Парке культуры и отдыха (в Москве).

РЕВИЗИЯ БЫТА. Комсомольцы на обследовании столовой.

В ДНИ ВСЕСОЮЗНОГО СУББОТНИКА ПОМОЩИ ШКОЛЕ. Комсомольский отряд на ремонте улиц.

НА ФРОНТАХ 1929 ГОДА.

В ПЛОТНУЮ подошел комсомол к задачам социалистического строительства и выковки для осуществления этих задач нового человеческого материала. Работа комсомольских организаций все глубже проникает в поры нашего строительства, расширяя методы своей работы и ее содержание. Все это подтверждают те олимпийские кампании, те походы, которые провел Всесоюзный комсомол в 1929 году.

Такими кампаниями, как кульptoход, как просмотр ячейковой работы по ликбезу, как весенний субботник помощи школе, проведенный комсомолом, мы выступили в 1929 году на фронте культурной революции.

В то же время мы ознаменовали 1929 год, как год комсомольского призыва на фронт экономического строительства. Выступление комсомольских организаций застрельщиками похода борьбы за урожай и коллективизация сельского хозяйства и такого мощного движения пролетарского энтузиазма, как социалистическое соревнование, — лучшие доказательства боеспособности и творческой силы [ленинского] комсомола.

МЫ СТОИМ НА СТРАЖЕ ПЕРВОГО В МИРЕ ОТЕЧЕСТВА ТРУДЯЩИХСЯ.
Комсомольцы в походах за боевым опытом.

НАМ ДОРОГ КАЖДЫЙ КИЛОГРАММ МЕТАЛЛА. Комсомольцы на сборе железнодорожного лома.

МЫ БОРЕСЯ С БЮРОКРАТИЗМОМ, С БЕКОЗДЯБСТВОМ, О РАЗГИЛЬДЯЙСТВОМ. На всемосковском слете легкой кавалерии. Витрина трофеев отряда московской таможни.

XX 101

С М Е Н А

дву周刊льный
комсомольскийилюстрированный
журнал ЦК - МИ ВЛКСМПРИСЯГА ЮНЫХ
ПРОЛЕТАРИЕВ
РУРСКОЙ
ОБЛАСТИ¹

На площади спешите, люди,—
Живее, смелее, бодрее!
О, черные зверя орудий,
Проклятые батареи!
Мы держались три дня и три ночи,
Глядели и глаз не смыкали,
И слушали, как рокочут
Лейпциг, Берлин и Галле...
Земля опьяняла от грома,
Кровавое знамя плачет!
Для тех, кого мы сегодня застанем
дома,
Наш крик прозвучит зловеще!
Старый мир! Мы тебе зараем
Набухшие кровью вены.
Ты будешь дышать покоем,
Ты скоро у沉ешь навеки!
Послушай, товарищ стонет,
Другой, умирая, вторит протяжней...

¹ Это стихотворение — песня словесна рабочими в память Гамбургского восстания.

Международный Красный день в Париже. Арест участника демонстрации.

Первое августа в Берлине. Демонстрация молодежи в Люстгартене.

А третий холодной ладонью
 Нащупывает горло вражье...
 Но толпы грозят и взывают:
 — Вставайте!
 Мы присягаем,
 Наш лозунг — Гамбург!
 Факелы нас озаряют!
 Факелы наши не тусклы.
 Тверды и упруги мускулы.
 Вставайте!
 Мы присягаем,
 Девиз наш — Гамбург!

Перевел СЕМ. ОЛЕНДЕР

— *Молодежь поддается настроению, поддается*

СКАЗКИ ЛУНЫ

Рассказ ФУСАО ХАССИ

Рисунки ФРАНСА МАЗЕРЭЛЯ

Фусао Хасси—молодой японский пролетарский писатель. Родился он в 1913 году. С 1922 года он ведет социалистическую пропаганду среди студентства, став вместе с революционными рабочими Японии врагом Кайсарио (главное полицейское управление Японии). Прелебедный полицейщик, подвергаясь арестам, он так рассказывает о своей литературной работе: «В деревянных клетках предварил я обдумку, чтобы писать, строку планы своих рассказов». Печатаемый ниже рассказ Фусао Хасси вошел в сборник рассказов японских пролетарских писателей „Ад“, только что вышедший в издательстве „Московский Рабочий“.

ЭТО—слышанные мною от Луны из современной «Тысячи и одной ночи» избранные сказки.

В отеле шел бал.

С нью-йоркского неба мои лучи, пробираясь сквозь лес туман—скользя по волнам крыши, освещали колосальное здание—громадный холл роскошного отеля.

Лиловый шелк мягко окутывал кandelabry под сюзантинами потолком, огни китайских четырехугольных фонарей и японских бумажных фонариков колебались на лепных картинах светильнике ореолом. В круглом коридоре, опоясанном залением, как экватор опоясывает земной шар, все возможные порты растений жаркого пояса, упакованные зреющим плодами, широко распускали свои павлиньи крылья.

В отеле шел бал.

Перед главным подъездом отеля замерли смиренные бесчисленные жуки—сотни авто.

Вокруг отеля на страже—лошади оловянных солдатиков—пятьдесят полисменов.

В громадном холле за столом у подножия колонн расшифрованы золотом начальник полиции чокается бокалом шампанского с вице-директором отеля.

— Ну, как-то пройдет эта ночь, а?

— Конечно, спокойно, поверьте!—отвечает начальник полиции.

— Прежде всего—весь сегодня благотворительный бал, не так ли?

— О, да... И все же от буйных суб'ектов так трудно уберечься! Но за сегодняшний бал я ручаюсь... Взглядите в окно на моих молодцов... Охранять лучшую часть народа,—весь это—наш долг!

Два бокала встретились, зазвенели. Немного спустя, звуки музыки в зале замолкли. Леди и джентльмены заняли столики, чтобы развестя усталость от танцев. Полетели пробки от шампанского, отрезанные пацаны кончики сигар.

Я увидела, как один толстый джентльмен поднялся на трибуну, установленную в центре.

— Леди и джентльмены! Пользуйтесь временем отыха, я хотел предложить кое-что для осуществления нашей главной высокой цели...

Волна аплодисментов забурлила и стихла.

...Зал ружей разорвал ночь.

...Зал ружей разорвал ночь.

— Э... Высокая цель наша—благотворительные дела. Восстановление больницы святого Луки, организация института народного здравия—для этих высоких целей сбор средств. Как вы изволите знать, благотворительность для гармоничного процветания современного общества—весьма важная вещь. Она—наилучший способ действий, чтобы опровергнуть заявления части невежественных критиков, будто мы—высший класс—являемся паразитами общества. Мы, верх общества, чтобы помочь беднякам, не отказываемся устройте грандиознейший бал, не скучны на громадных траты!

Джентльмены чокались бокалами шампанского, дамы одобряли оратора, тихонько аплодизировали веерами из сплоновой кости.

Джентльмены на трибуне, откашливаясь, продолжали:

— И я, думаю, что способом сбора средств мы примем аукцион блуз, список которых и сейчас оглашусь, и чистую прибыль обратим в благотворительный фонд...

Минуту спустя название неслыханно редких блуз зазвучали с трибуны. Между дамами и джентльменами, сидевшими за столиками, началось состязание ощепомлюющих цен:

— Сто долларов!

— Стать пятьдесят!

— Триста долларов!

Наконец, аукцион был окончен, и блюда с ярлычками цен разнесли по столикам.

Кончились ужин, оркестр заиграл модный фокстрот. Столики опустели. Руки упитанных джентльменов легли на талии дам.

Долго длился этот бал...

— Я смотрела, пока не закружилась голова...

Нью-Йорк, как зовут этот город, совсем как громадный винокуренный завод.

Ночь вторая

На широкую гладь священных вод Ганга ночной туман опустился прозрачно-голубую завесой.

На берегах реки благоухают цветы «ран», в траве тлеют искорки глаз маленьких змей.

В серебристо-зеленых, светящихся волнах реки я увидела плавающий бледный маленький огонек—гладанье о милом».

Я знаю это именное гладанье, еще и теперь живущее среди девушки Индии: если пущенный в волны реки огонек обогнет—не потухнет—излучину берега, милый девушки, ушедший, пропавший без вести, жив еще.

Но если, слабея, бледная, угласнет в волнах огонек—сердечно девушки разобьется в тоске...

В тени лиан на берегу я могла видеть ту, что пущила огонек по волнам.

С длинными ресницами каштановых глаз индусская девушка стояла на коленях на береговом песке, в тощеватом ожидании следа, куда пльяет огонек.

С берега виднелись в долине казармы английского гарнизона.

Я знала, что там заточен индусский юноша. Ты уже понял, наверное, о ком эта девушка гадала по огоньку?

Он был одним из юношей колониальной Индии.

— Борисы!—кричала кровь угнетенного народа.

— Свергни!—повелевала богиня Свободы, склонившая меч в руке.

И много было кровавых бит.

Под огнем ружей английского гарнизона расплескались страшные цветы из крови индусского народа, и пулеметы индусских ятаганов сверкали над сердцами белых.

Он был я, Борис, как молодой лев.

И, наконец, израненный, стал пленником английских войск.

Огонек бледно мерцал в туманной вуали реки. Как у испуганной лани, дрожали немытые ноги девушки. О, великий Брама!

Ах!—невольно воскликнула я.

Голубой полумрак на рекой выплыл жизнь огня.

И в это мгновение залп ружей разорвал ночь в долине.

Я увидела, как, чернея, лежал у стены английской казармы труп индусского юноши.

Ночь третья

— Я люблю кладбища. В белых мраморных памятниках, в зеленых кипарисах — кладбища Южной Европы: зашитые буйными и раскаленными письмами — безымянны арабские могилы; кресты в рощах, окутанные лилиями розами и соловинными письмами; на берегах, в тени из увядающих могильных венков...

Там — спокойствие смерти, там от茬 природы.

Сколько ночей, безлюдных, безветренных провела я над ними! Но вот что увидела я вчера ночью с итальянского неба.

На холме в окрестностях Рима, над которым клубились черные трубы, — там облаков, раскинулось новое кладбище. Ни аромата диких роз, ни соловинных лесов, ни шепота листвьев олив не было там. Только черные, мрачные могильные памятники.

Эти могилы?.. Разве я не сказала, что это могилы уничтоженного полка...

Полк в пять тысяч солдат, славившийся пулеметным ураганом, потопляемый в море ядовитых газов, раздавленный тяжестью танков... —шел туда, куда всем судило уходить...

Под камнями там нет ни kostей, ни труб... Хотя, может быть, пару ног, несколько черепов и замыши, подобрав их на поле, где снаряды орудий рыли в пыльнице озера и ры. Только разберешь разве — чьи это kostи?

Ты спросишь: как же тогда получились могилы? Это не трудно: ведь в каждом полу — поименные списки.

Могила полковника —

мрамор,
шесть футов,
надпись золотом.

Могила офицера —

гранит,
три фута пять дюймов,
надпись серебром.

Могила унтер-офицера —

тоже,
три фута,

верх камня окрашен в красную краску.

Могилы солдат —

обыкновенный камень,
вышиной два фута,
шириной пять футов,
толщиной два дюйма,
с инициалами 25 человек
на каждой плите.

Всего пять тысяч человек...

(Луна умолкла).

Ночь четвертая

— В комнатушке почекчики близ Ист-Энда веселы: Поли усиленно думает, в недоумении качая головой...

«Вот поди же ты, а? В самом деле... Кто бы он был, этот барин?»

Поли — молодой деревенский парень из Ирландии. В ярко-красной спортивной ряжии жеребенком онисился он. А теперь наконец-то приехал поглядеть далекий Лондон.

«Диковинный город Лондон!»
Говорят, весь-то он золотом вымощен.

Говорят, люди там ходят все веселые...

Так и в песне поется. И в этот самый диковинный город наконец-то попал и Поли. Почему бы не быть молодому Поли веселому? И Букингемский дворец ходил глянуть, и на Туэрскую башню глазел досыта. А вот придет время — вернется в родную деревню да на дороге меж рожью как поймет, облавил девочку Мари, так и начнет:

— Послушай-ка... На Трафальгарской площади статуя здоровенного льва стоит, вот что! А рядом с этой площадью, понимаешь! Пикадилли — это самое... ей богу, не вру! Ну-ка, дай пощуплю еще разок... В Пикадилли-то я видел такой занятный кинематограф... — про него расскажу... Ну...

И, мечтая о Мари, чуть-чуть не получив вчера Поли опасного походу от проезжавшей извозчичьей лошади.

А сегодня днем, веселый, как всегда, Поли шатался по Трафальгарскому скверу. Вдруг, откуда ни возьмись, из-за колонны Нельсона — толпа полицейских.

Не успел Поли опомниться, как черная туча полицейских мундиров стала вдоль улицы живой изгородью, и прекратилось движение.

Ух! Что бы это значило?

И, боязливо пробившись вперед, Поли решился спросить у одного из этих полицейских:

— Это... Чья милость изволит проехать?

— Лайб-бургер... Идет демонстрация, вот что!..

— Э? Что за барин изволит...

— Вот пристал, деревенщина! Лайб-бургер, демонстрация — тебе говорят! — и с невольным лицом попискал отвернулся, помахивая пачкой в правой руке.

Толпа кругом зашумела, словно пчелиный улей.

Подходила процесия.

Пурпурные знамена, как пылающие огни, горели под майским солнцем.

Потрясающие мотивы неслыханных песен гремели, как волны близкого моря.

Поднимаясь на щипочки, Поли тянулся изо всех сил — разглядеть.

«Ух, понятно, поезд значит этого барина, не иначе. Вот уж подарочек-то привез домой!»

В комнатушке почекчики близ Ист-Энда в раздумья качает головой Поли:

«Все-таки... Что он за барин такой, Лайб-бургер этот?.. (Так рассказала Луна).

Ночь пятая

— Ветер приносил аромат цветущих каштанов. Одинокий человек шагал в темноте глубокой полночи. Вчера ночь я спедила заhim на дороге вдоль берега Сены, — так начала Луна в эту ночь.

Его лицо казалось бескровным, как маска Пьеро.
Но не я делала его бледным.

На краю города, в глубине узкого переулка, где тяжело повисла удущливая завеса словесния, виднелся длинный, красный кирпичный дом.

Бледный огонек мерцал в одном из узких окон. Несколько проксльнув сквозь стекло, я заглянула внутрь комнаты.

Под закопченной лампой девушка, охватив руками голову, пустым взором смотрела в пространство.

Через несколько минут на лестнице послышались шаги, раздался стук в дверь.

— Войди, Жан!

Дверь открылась.

Это был тот, кого я недавно заметила на берегу Сены. В свете лампы я было так же бледна, как и раньше.

— Мари!

Его возлюбленная тихо подняла голову.

— Стража еще продол- жается, Жан?

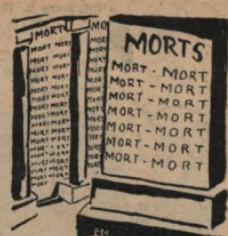
— О, Мари! Только об этом не надо... Я склялся товарищем никогда не быть предателем.

— А...

Девушка вздохнула.

— Дети... Уже сколько дней они не получают хлеба. Какая длинная стачка, правда? Завтра — уже четверг недели. И мужчины и женщины — все устали. Все измучены. Для чего нужна эта стачка, скажи, для чего?

— Мари! Ты хочешь, чтоб я стал штрайхбрехером? Стал, не ты один. Отец тоже ушел, говоря, что на собрании сегодня вечером будет требовать прекращения стачки. Слушай, Жан!

Обыкновенный камень с инициалами 25 человек.

Только разберешь разве — чьи kostи?

Я клялся никогда не быть предателем.

Дети не получают хлеба.

Пожалуйста... Для всех... Для всех нас, голодных и измученных...

— Марк! Ведь, я же клялся... Я не могу...

— Тогда... для меня!

— О!

Он вытер со лба проступивший пот.

— Слушай, говорят: что истинно любят, пойдет для любимой в пасть льва... Жан, ведь, ты же любишь меня, да?

Девушка взяла его за руку, заглянула в лицо...

Как глубокое море, поглощающее чаинку, были ее глаза...

Отдаваясь ее обятиям, в плenу ее рук, юноша восхликал:

— К черту! Пусты—подлый предатель... Пойду... Пойду...

И после долгого обятия исчез за дверью. Вскоре фигура молодого человека опять показалась на дороге у реки.

В ночном воздухе его лицо было бледно, как гипсовая маска. Вдруг он остановился и швырнул кепку на тротуар. Я видела, как это бледное лицо вспыхнуло решимостью и надеждой.

Он грозил в мою сторону большим кулаком и бросил мне в лицо свой крик, прозвучавший победной песней!

— К черту! Чего я стал предателем? Еще три дня...

Только три дня продержаться—и мы по бедам!

Куда пошел дальше молодой француз, я проглядела.

Ночные облака закрыли мое лицо.

Ночь шестая

— В глубине узкого переулка одной западной столицы был у меня друг.

Я любила прекрасные глаза этого милого мальчика, глаза, устремленные вдали, полные мысли глаза, которые могли отражать страдания людей и века.

И прошлой ночью я, через десять лет, случайно его встретила.

Он родился в стране дубов и оленей—в финляндской деревне. Потом в гранитно-желтой столице рос рабочим в тяжелой борьбе вместе со всем пролетариатом Финляндии.

Он верил в «автран» и боролся во имя этой веры. Вера, подкрепленная действием, всегда приводит к великому дню.

На фабрике начали расти профессиональный союз. Сплюнья с союзом, желтая рабочая партия колпала волнистый флаг.

В сиянии зорь занимающегося великолого дня пролетарские знамена продолжали свое наступление.

Но действие, подкрепленное верой, страшно для врагов.

И волны Балтийского моря прорезали английские крейсера, нагруженные немецким оружием, с десантами французских солдат.

В грудь финляндского пролетариата полились пули международного капитала.

— Урем! — сказали рабочие, все, как один.

— Стой! Баррикады!

Были баррикады. Была черная ночь.

Из глубины этой ночи звуки песни все тише и тише, замирая, дрожка, угасали.

На последней баррикаде билось по ветру изрешеченное пулями знамя...

Proletarier aller Länder. Einigt euch
Zum letzten Schlag. Das Heil ist nah.
Wir stehen bereit. Wir treten an!...

На последней уцелевшей баррикаде, в урагане пулеметов, билось по ветру изрешеченное пулями красное знамя...

Вот и все!

Вчера ночь, после десяти лет, я случайно встретилась с милым другом. В столице страны дубов и оленей, в окне военной тюрьмы.

Ночь седьмая

— Роща лиственница и груши, с серебряными колокольчиками росы на листьях, проснулась в предрассветном тумане.

На заре полул прокланный ветерок, разогнал последние ночные тени, и тогда открылись широкие русские степи.

Потянувшись к солнцу побеги молодой травы, черепицы деревенских крыши засверкали, как старые золотые монеты.

На холме, окаймленном рощами ив, огибаемою маленькой речкой, показалась деревня. Флагер на крыше деревенской лачи с балконом повернулся к востоку, посыпал привет подувшим утреннему ветерку, и тогда стукнуло одно из окон, открыла глаза, и оттуда выглянуло, улыбаясь, милое, румяное, как яблочко, лицо ребенка. Он крикнул:

— Здравствуй, Луна!

Окончил ночное путешествие, я наслаждалась утренним отдыхом на грушевой ветке, и услыша это приветствие, невольно широко открыла глаза.

(Так с улыбкой рассказывала Луна).

Что такое?

Я вытянула шею. Когда-то в прежние годы я часто заглядывала в окна этой дачи богатого московского барина.

Помни, была там прекрасная гостиная, с расписанными картинами стенами, были и другие комнаты, устланы дорогими коврами, в которых тонула нога; были и светлаз детские для первых господских детей, за которыми всегда следовало множество слуг.

Иногда по ночам в салоне устраивались блестящие балы. Назевавшие из Москвы дворян и окрестных богатых помещики кружились в напевах вальса, пока не белели рассветные облака.

Порой по утрам из каменных ворот, в красных листьях плюща и зеленом мха, вихрем вырывались лошади, зевая сребреникой сбруей—и в袍е начиналась веселая охота.

Порой по ночам в комнатах барина заставляли плясать полураздетых крепостных девушек, и теми же на гардинах метались их фигуры.

Как изменилось теперь все это!

Не стало гостоп в дорогих шелках. Извезли дамы, благоухавшие странными духами. Нет ни первых барских детей, ни изумленных нищих.

Теперь на старой даче—лиши смех да голоса детей.

Быстав с постелей, дети в чистых платыцах выбежали в обширный сад.

Десять... двадцать... пятьдесят... и еще, и еще...

О, откуда же так много детей? Крепких, как скважине фрукты, и проворных, как рыбы.

— А... Смотри-ка! — заскрипнула один из них.—Вон там, на грушевой ветке, Луна заселилась золотыми когтями...

А и-ка, давайте все хором поздороваемся с ней!

— Доброе утро, Луна!

Услыхав это приветствие, я опять удивилась...

Эти детские лица—весь, все мои стары знакомы. Но как они изменились!

Несомненно, я встречала этих детей в узких переулках московских трубоб. Ведь, это они, грустны, как больны воробушки, в канавах искали хлебных корки.

А теперь они стали бодры и здоровы, выпрямились, когда-то узкие, вплоть их грудки.

«О! Что это за необычная перемена?—прячась в листе груш, невольно восхлинула я.—Что же такое случилось, что могло так все изменить?»

И тогда—от блестящего утреннего стола дети протянули к солнцу свои ручонки и хором восхлинули:

— Революция! Революция сделала это, Луна!

1 Прозивши всех стран,
Соединяется для последнего удара.
Победа близка. Мы готовы,
Мы наступаем.

НА ПЕРВОМ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ МОЛОДЕЖИ

ФРАНКФУРТ-на-Майне, где проходил I Антиимпериалистический конгресс молодежи, расположен почти на французской границе — в восьми часах езды от Берлина, сердца не только современной буржуазной Германии, но и основной крепости сил революционных пролетариев Германии. Этот один из крупнейших городов Германии наиболее подходит для созыва конгресса в силу ряда обстоятельств.

Для нас, первые попавших заграницу, весь конгресс и все связанные с ним представляли необычайный интерес.

Прежде всего, техническая обстановка самого конгресса для нас была весьма любопытной. Его заседания проходили в большом зале Дома ремесленника, принадлежащего социал-демократии. У немцев залы заседаний обставлены так, чтобы датьучащему полную возможность чувствовать себя, как дома. Вместе длинных рядов стульев, скамеек, которые привезены у нас, в каждом «порядочном» помещении для собраний, в немецком социал-демократическом зале расставлены чистенькие столики на 4—6 человек. Услужливые официанты бесшумно носятся по залу, разнося минеральные и фруктовые воды, но больше всего — пиво. В Германии пиво пьют все, при всех обстоятельствах, по всякой поводу. Неизменным спутником любого социал-демократического собрания — это, пиво, черное и светлое — на выбор.

Только коммунистические организации в этом отношении отличаются от других.

Наш зал заседания, в силу своей социал-демократической «принадлежности», был обставлен так же. Не раз бездействующие официанты удивленно посмотревали на делегатов конгресса, которые так много говорят и так мало пьют, да и то только минеральную воду.

Бинимательно рассматриваем, собирающихся участниками конгресса. Их не так уж много, но больше 60—70, но зато здесь представлено удивительно большое число стран, национальностей, рас. Вот, например, представители китайской, япон-

Открытие Антиимпериалистического конгресса на ипподроме во Франкфурте-на-Майне
22 июля 1929 г.

ской и корейской молодежи. Два моло-
дых индуза о чем-то оживленно разговаривают с английскими делегатами. Пред-
ставлены, помимо основных европейских
стран, также и Индонезия, Мексика, Сирия,
Индо-Китай, Алжирия. Прибыл
и представитель негритянской молодежи
из Соединенных Штатов. Из ряда стран,
в силу примененного правительством
террора, делегаты не смогли получить
визы на выезд: в таких случаях молодежь
этой страны представительствовали рев-
олюционные колониальные студенты,
учащиеся в Европе.

Нам известно, что политический состав
нашего конгресса далеко не однороден.
Это наглядно выявилось при обсуждении
некоторых вопросов. Но это, ведь, совер-
шенно понятно, либо Игра борьбы против
имperialизма — это не коммунистическая
организация. Коммунисты лишь сотруд-
ничают в ней с наиболее революционным
элементом других политических течений

и партий, а также с отдельными видными
политическими и общественными деятелями.
Которые желают вести действительную
борьбу против империализма. Нам здесь
довелось впервые высушивать выступления
и видеть тактику анархистов, панфистов
и социал-демократов и с некоторыми пого-
ворить и послушать во время перерывов.

Время для проведения конгресса дано-
было весьма ограничено — только два
дня. Вслед за ним должен был открыться
общий конгресс Антиимпериалистиче-
ской лиги. Поэтому нам приходилось
спешить, объединяться наряда по несколь-
ким пунктам порядка дня и т. д.

Центр внимания конференции, преж-
де всего, вопрос о СССР — о его защите, о
войной опасности и о методах борьбы
против готовящейся империалистами новой
войны — и о конкретных задачах рево-
люционной молодежи метрополий.

Первым резким диссонансом в работе
конгресса прозвучала речь голландского

Почетный президиум Антиимпериалистического конгресса: Су-Цзи Лин, Эйнштейн, Э. Синклер, Барбюс
и Максим Горький.

МОСКОВСКИЕ

анархиста, худого длинноволосого парня. При его вступлении на трибуну было не трудно по его внешнему виду определить его партийную принадлежность и ту сумму взгляда, которую он разивал. Бурей неголодаивания встретил конгресс его заявления о том, что ему «невозвестно»—отсутствует ли милитаризм в СССР и что на случай войны империалистов с СССР—«мы против Советского Союза будем воевать».

Из этого факта, что сами представители колоний беспощадно раскрыли настоещее лицо этого голланца, разоблачив пораженную, враждебную по отношению к СССР установку его речи, видны тот колossalный авторитет и та колоссальная любовь, которыми пользуется СССР среди утешенных народов колоний.

Анархист в ответ на решительный отпор ему делегатов колоний пытался сделать красивый жест и покинул зал, но поскольку это ни малейшего впечатления ни на кого не произвело, он позже тихонько возвратился в зал заседаний и на второй день конгресса выступил вторично, заявляя, что если не так поняли, что его слова передергиваются т. д. Но даже с этими оговорками позиция, которую он как представитель анархистов все же пытался отстаивать, выдала его и его единомышленников с головой.

Мы бегло побеседовали с этим человеком и он забросал нас цифрами, показываями якобы беспрерывный рост анархистского движения во всех, даже самых отдаленных странах. Особенно лепетал он об успехах в Германии. Когда же мы попытались связаться и побеседовать с местной анархистской группой, мы убедились, что весь ее количественный успех ограничивается 10 членами, из которых 8 человек—подростки, а их политический багаж заключался в том, что они неутомимо повторяли нам заученные фразы, взятые из анархистской печати, о том, что Красная армия—орудие империализма, что в СССР заставляют рабочих насильно вступать в профсоюзы, что СССР не отличается от любой капиталистической страны своим режимом и пр. и т. д. Наши оппоненты вспомнили даже Кронштадт—мол, если у вас власть народа, почему же подавили силой Кронштадт, когда там народ хотел сам управлять собой? Очень подробно и долг объясняли им сущность диктатуры пролетариата в СССР и как пролетариат защищает завоевания революции от покушений внешних и внутренних врагов. Мы указали им и на то, что они быть может, сами этого не поговаривали, повторяют ту клевету и ложь о СССР, которой полна вся буржуазная печать, помогают буржуазии. Обратили мы их внимание и на падение кривой анархистского движения и на фактический дезорганизаторскую роль анархистов в рабочем движении. Большинство анархистов слушало внимательно, только один (видно, руководитель группы) реагировал очень нервно на наши объяснения и по окончании обратился к нам со следующими словами:

— Мы знаем, как плохо живется рабочему классу в России. Мы получаем много писем от молодых рабочих из России, и вы нам глаза не замакнете вашими рассказами.

Однако, когда мы попросили назвать хотя бы один завод, на котором работают молодые рабочие, переписывающиеся с ним, он сделал этого не смог.

От панцистов выступил на конгрессе доктор Опенгаймер. Его речь нас несвирепо учирила и заставила недоумевающими посмотреть друг на друга. Речь была

на речь путаной—никто не понял, что хотел сказать этот человек, и, вероятно, он сам этого не знал. Что лучше может осветить путаные взгляды части панцистов, чем подобная речь человека с высшим образованием, каким является доктор Опенгаймер, весь смысл жизни которого заключается в том, чтобы изучать процессы классовой борьбы, но который так занят этим изучением, что совершенно забывает о реальной классовой борьбе.

По окончании нашего конгресса мы получили официальное приглашение от панцистов участвовать в их антивойной колониальной конференции в Фрайбурге, рассчитанной на неделю—порядком дня в 15—20 вопросов. Мы от участия в ней отказались. Вместе с делегацией Немецкого союза на конгрессе мы написали и передали им письменную формулировку нашего отказа. Смысл ее заключался в том, что сейчас напряженная обстановка требует не слов, а действительной борьбы против войны, но все, о чем говорилось на Голландском конгрессе панцистов в 1928 г., остались на бумаге, и что мы не можем на себя брать ответственности за конгресс, постановления которого будут лишь пустыми фразами.

Совершенно другого порядка было выступление представителя сомола. Этот хорошо одетый, гладко причесанный молодой человек, типично обходя вопрос о СССР, сконцентрировал свою энергию на желании убедить конгресса в том, что только сомол-демократы ведут действительную борьбу за освобождение угнетенных колониальных народов и против войны и что коммунисты эту борьбу лишь подоргаивают своими демагогическими лозунгами. Каждое его положение делегаты—социалисты (за исключением свободных социалистов), а вместе с ними и анархисты поддерживали криками одобрения.

Выступивший затем представитель КИМ¹ с без труда разбил эти лицемерные утверждения. Представители колоний недвусмысленно заявили, что сомол проводит политику социал-демократии, в целом являющуюся, в свою очередь, политической защитой буржуазии.

Таким образом, все попытки анархистов и социал-демократов направить работу конгресса на путь мелкобуржуазного панцизма и реформизма потерпели крах. Конгресс в своих резолюциях стал на путь обединения труженицы молодежи метрополий для борьбы на основе революционной программы, вывиннутой коммунистами.

Важность и значение конгресса выросли во много раз вследствие присутствия на нем делегации от трущебной молодежи СССР. Трудно нам, живущим здесь, в СССР, представить, с каким энтузиазмом интересом делегаты всплыли в каком-то слово доклада т. Косарева. Ведь вещи, являющиеся для нас обычными: пятилетка, соц. соревнование, культурная революция, организация труда и образования молодежи т. д.—для них новые, удивительные, поражающие. Кроме того, каждое слово нового человека, живущего в СССР, пробивает брешь в той клевете о СССР, которая ежесменно распространяется буржуазией и ее агентами. В принятом конференцией воззвании к трущейся молодежи СССР чувствуется беспредельная любовь и вера в Советский Союз, как друга и защитника угнетенных народов колоний, как отечества пролетариев всего мира.

П. БОРЕЦКИЙ

ТЫСЯЧА девятьсот девяносто пять год—год напряженнейшей борьбы молодой Советской республики за свою жизнь, год тягчайшего скандала фронтов вокруг очага революции, год смертельных попыток белогвардейцев дотягнуться до сердца республики—Московы и год решительных побед вооруженных сил революции.

До 9 мая с востока—через Сибирь, Урал—к Волге катится, наступая, лавина армий Колчака; все лето обозначено неуклонным наступлением с юга белых армий генерала Деникина, которое в осени распространяется до Орла и угрожает кузнице пролетарской обороны—Туле; в то же время дважды прятывается с own руками к революционному Питеру белобандит Юденич, а весь север республики захвачен десантами империалистической (английской) белогвардейцами.

Страна, поднявшая знамя классовой борьбы против эксплуататоров, была отрезана от хлеба, от угля, от руд, но она нашла в себе силы не только сопротивляться, но и побеждать. Напряжением, самоотверженностью, энтузиазмом, которые могут быть объяснены лишь в связи с такими понятиями, как класс, пролетariat, классовая борьба,—враги были опрокинуты и разгромлены. Тогда же занялась зара этой великой стройки, в расщепе которой мы участвуем теперь—в 1929 г.

Походные кости, кощающие фронты и эшелоны, искры, рассыпаемые головными топливом паровозами, чуть теплящиеся огоньки каганцов, взлеты шрапнели и ночные вспышки ружейных залпов и то горение, которым должны были быть охвачены миллионы головных, полуоголых людей, лежащих на смерть, на мучения, на пытки, чтобы завоевать «весь мир»,—все это как взвешнуло в истории Октябрьской революции—над перегоном третьего ее гигантского меча света.

* * *

Перед нами книга фактов, каждая страница которой, можно сказать, написана кровью. Памятные, вошедшие в историю даты и даты полузабытые, но своем маском как бы лежащие пущиной мозаики стены юных коммунистов, если представить себе существующим такой символ борьбы нашей молодежи для революции: едва сохранившиеся начертания фамилий и имен павших юных борцов к четким траурным силуэтам наиболее выдающихся и запомнившихся воинов смешиваются на ее страницах. Мы говорим о сборнике «Безумству храбрых поэм мы славу», недавно выпущенном Истмолом памяти комсомольцев, погибших в гражданской войне и на комсомольской работе. По преобладающим в нем фактам, он вправь быть назван ярчайшим документом о комсомоле 1919 года.

* * *

В полосе 1919 года залегло большинство тех исторических залат и событий, которые вошли в историю комсомола как незабываемые.

¹ Изъято из «Молодая Гвардия», 1929, стр. 140, ч. 1, р. 80 кн.

1919 ГОДА

25 апреля в г. Слуцке (Белоруссия) расстреляны по приказу полковника Шемета 14 молодых повстанцев за «заговор против войска польского». Они умерли с пением «Интернационала».

В кюре Киевская организация комсомола почти поголовно выступает на фронт, на защиту подступов к Киеву. С боем заняв Триполье, юные бойцы-комсомольцы попадают в кольцо банды атамана Зеленого и подвергаются дикому расправе. Озвевшиеся бандитами уничтожены 80 из 100 чел. отряда. Из пытаний, бросали в Днепр и расстреливали в воде, зарывали живыми в землю. Среди погибших под Трипольем — пять девушки-комсомолок.

1 ноября генералом Шиллингом повешены в Одессе четыре юноши-комсомольца за агитацию против мобилизации в добровольческую армию.

В том же ноябре за подпольную работу расстреляны денациональной контрразведкой и сброшены с железнодорожного моста в Днепр шесть комсомолок — работниц маходорной фабрики: Э. Брандман, Сара Гальпер, Гордон, Валя Готлиб, Поля Каплун и Женя Познер.

6 января 1920 года (здесь мы только нескользкими днями забегаем в 1920 год) также за подпольную работу казнены 9 одесских комсомольцев: Поля Барк, Дора Любарская, Ида Краснощекина, Яша Ройфман, Лев Спивак, Борис Михайлович, Зигмунд Дунниковский, Василий Петренко и Миша Пильцман.

Что пережил тт., отдавшим свою жизнь за революцию и с каким чувством они на смерть, говорят не многие уцелевшие предсмертные письма:

«...Меня были около часу; были ревни, наездами, крутили руки и ноги, одну ногу вытянули к лицу, другую к животу, подняли на воздух, чтобы я не мог дышать, и начали по телу, были в лице, губах... наконец, ударили револьвером по голове... Я упал, обливаясь кровью».

пишет Зигмунд Дунниковский о той пытке, которой он подвергся до смерти.

«Через час меня вложили в изящное постельство, уложили на жесткую сопкацию исполненного долга перед революцией» —

строчки из предсмертного письма Иды Краснощекиной, в ясной простоте которых для сконцентрировалась та сознательная самоутверждность, что так характерна юношеско-комсомольским эпохи гражданской войны.

Не истеричность, не взвинченная нервность, не бесшабашная удаль характерны для настроений смертников комсомола, а убежденность в нужности их смерти для дела революции. И если прорвется интонация жалобы, то эта жалоба далека от личных интересов. Вот отрывок из предсмертного письма Доры Любарской:

«Я умираю чисто, как чисто прожила свою маленькую жизнь... Следы чистоты в последний раз вошли. Уже на Брестской, Перекоп наступают красные. Скоро, скоро вдохнем вся Украина и начнется созидательная работа. Жаль, что не смогу принять в ней участия».

Живую созидательную работу — строительство, творчество — вот что представляют себе Дора Любарская и ее товарищи в будущем, непосредственно по окончании борьбы на фронтах. И единственная жалоба их заключается в сожалении, что им не удастся отдать свою молодую кипучую энергию этому созиданию.

В 1919 году. Пулеметчик-юноша.

* * *

Более тысячи фамилий и имен вошли в сборник. Но это не более пятой доли действительного количества жертв комсомола в борьбе за Октябрь. Долг местных организаций вспоминают всех своих товарищей и дополнить сборник их именами.

Тысячи имен и им сопутствуют тысячи же эпизодов индивидуального героизма погибших от озверелой беспощадности белых врагов.

Над 1919 годом как бы висит самый высокий холм над братскими могилами юных энтузиастов, но и раньше и позже — на всех опаснейших участках борьбы расплатались свою жизнью десятки и сотни храбрых славных.

На октюбрьских баррикадах Москвы умирают смертью славных тт. Барбони и Жербунов, юнкерской пушкой на Кремлевской башне поражен замоскворецкий типограф Вася Горячев, у стен Кремля получает свое боевое крещение красногвардеец Вася Смилга, рабочий завода «Русскабель», а затем принимает участие во всех боях от Тулы до Днепропетровска, но на главной улице Днепропетровска он падает, пораженный пулей; в те же годы уходит добровольцем в Красную армию шестнадцатилетний Крупник, он остался жив, совершив поход с таманской армией, будучи трижды ранен, дважды контужен, побывав в плену и убежав из него, и погибает уже в 1925 году, убитый на посту селькора.

Сражались и погибли под Перекопом

пом, под Кронштадтом, в дебрях Сибирской тайги — всюду, где это требовалось.

Тысячи имен... и среди них как первые среди равных, как бойцы передовой шеренги, запечатлеваются при чтении сборника образы вдохновителей движения, молодежи под знаменем большевизма, и пугилюсов Вася Алексеев — правофланговый этой шеренги.

Так пали и так умирали комсомольцы первого призыва. И если на их знаменах были написаны великие ласяны, то это вовсе не означает, что самое простое, будто бы будничное, было им чуждо. Вот, например, смоленский рабочий Саша Новиков, тот самый Саша Новиков, который с отрядом чекистов в 1919 году ушел на фронт и там погиб, — мечтал, как вспоминают о нем товарищи, о том, чтобы создать такой клуб, где бы было: кружки, и сцена, и спортивплощадка, и буфет, и может быть, в последнюю минуту своей жизни он видел перед собой этот замечательный клуб. Так от героики 1919 года пролегает единий рельсовый путь к так называемым будням.

Б. ЛУНИН

В 1919 году. Добровольцами на фронт.

БУДЕМ ИЗУЧАТЬ ЯЗЫКИ

Кружок немецкого языка в Парке культуры и отдыха в Москве.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ юношеский день, Первомай, как праздник международной солидарности пролетариата, также юные демонстрации волн труящихся всего мира, как первомаяттовский Международный красный день в этом году—все это символы нашей эпохи, эпохи решительного и умелого наступления интернациональной пролетарской общечеловеческости.

«Советский Союз—социалистическое отечество тру-
дящихся всего мира»—это не лозунг, не фраза, а
самая доподлинная действительность, подтвержденная
многочисленнейшими фактами.

Из года в год крепнет наша связь с мировым пролетариатом, и никогда, как теперь, потребность непосредственного общения между рабочими всех стран не выражалась в такой живой, нетерпеливой и действенной форме.

Ежегодно у нас на территории Советского Союза происходит целый ряд международных съездов и конференций.

Делегации иностранных рабочих, приезжая в СССР, в противоположность всяким буржуазным делегациям, посещающим буржуазные страны, прежде всего хотят непосредственно познакомиться с жизнью рабочих Советского Союза. Иностранные специалисты участвуют в нашем строительстве, все учащиеся

«Новый Путь»—журналы, издающиеся на немецком и английском языках
в помощь изучающим иностранные языки.

ских тт., бывших на первомайских баррикадах в Берлине.

Наши комсомольские ячейки устанавливают постоянную связь с зарубежными комсомольскими организациями, шефствуют над ними, и национальные комсомолы в свою очередь шефствуют над отдельными нашими организациями. Возрастает постоянный обмен опытом. По переписке с зарубежными, мы проверяем наши производственные достижения в сравнении с уровнем достижений в Европе; мы узнаем право на «капиталистическом пае».

Многие из нас, вероятно, не один раз испытывали мучительную и раздражающую, «немоту», встретившись с нашими гостями—юными пролетариями-иностранцами и не имея в своем распоряжении средств, с ними. Несколько этой мимикой, и картаво-*Camarade* или *Соптализация* такого общесвидания друзей через

т., получив на адрес и на непонятном языке, ли не в соседний район, мецких или английских бы ответить на него— ости.

ктов, мы, празднуя Меж-
не можем не вспомнить
национального воспитания
торыми мы сможем при-
межнациональной работе.
праздник МЮД'а у нас
лом осени, т. е. с тем
и от летней мобилизации
на физкультуре, на
жоковому строительству.

тря для значительных поэз молодежи превратилась в наущнейшей потребность, диктуется нашим молодым силам, нашим молодой любознательностью тем обстоятельством, что мы—смена старого класса, который осуществляет интернационализацию основ человеческого общества.

Мы молоды, и каждый упущеный год исшает нашу психику в гибкости, которая только необходима для успешного овладения чужим языком; мы молоды, но чем мы будем заниматься тем, плотнее на-

двинется на многих из
владения иностранным языком
интернационального значения.
«Учёться иностранным языкам —
закрыть возможность международной
возможность всестороннего раз-
личных достижений человечества,
обращенные к молодежи, —
рому доводу, столь же важную
и интересную интернациональной связи.
Это — вопрос об иностранном языке
в нашем строительстве».

Успешное участие кадров всего нашего хозяйства в процессе индустриализации, в рабочем и интеллигентском коллективах, не ограничиться одним только желанием «хочу нашей классической профессии». Это в равной мере требует вынужденной работы молодежи научно-исследовательских учреждений им передовой, новых отраслей промышленности и строительства.

В Советской стране давнее
вление общества на людей,
к физическому труду, и на здоровье.
Любой из нас, у которого впереди
«заводского загара», сегодня
в срочной учебе, срочному
стажированию, становящейся квалификацией.

Оба эти момента — и вхождения новейших технических более успешного выделения среди индустриально-технических опять-таки во весь рост становления иностранных языков.

Не только молодой специалист, готовящийся стать специалистом, готовящимся к вузу, любитель, любительниц, любой товариши, грамматист и рационализатор, способен поставить перед собой задачу изучения иностранных языков.

иностраных языков.

В заключение несколько
изучения иностранных языков

Как в действительности изучают язык? Напомним, но оно еще недостаточно схематично. В кружках, возникших на ряде предприятий не только комсомольско-рабочий кадр, кроме того, он подвергается быстрой «испытательной работе на местах»: различной подготовкой? Нечтный и вызывает такое явление. К тому же

ическая целесообразность требует немецким и английским.

Учащиеся о своих поездках изложили кружковцы завода «Геофизик» в нескольких мес- сиах: «Мы получили английский язык и усвоили основы научного изучения его на начальных этапах курса, судя по последним

Ниже приводятся мнения
ним вопросам, связанным с

БУДУЩЕЕ
Жизнь неотумимо ставит вопрос о языке. Этот важный вопрос нового интернационализма вынуждает отойти от имевшихся вспомогательных или бы инструментальных средств общения и говорить не о многочисленном едином искусстве общечеловеческом, а о кустарно-самодельном, патологически и ксенофобски окраинном языковых навыков и ин-

³ «Товарищ» на немецк., фр. англ. языках.

ЧЕРЕЗ РУБЕЖИ

Черк В. УЭЛЬСОНА

„Фабрика—сущий ад“

Письма из-за границы показывают, как живут молодые рабочие капиталистической фабрики. В одном из своих писем японские комсомольцы написали распространенную песенку японских текстильщиков:

Фабрика—сущий ад;
Управляющий—дьявол;
Машина—огненное колесо.

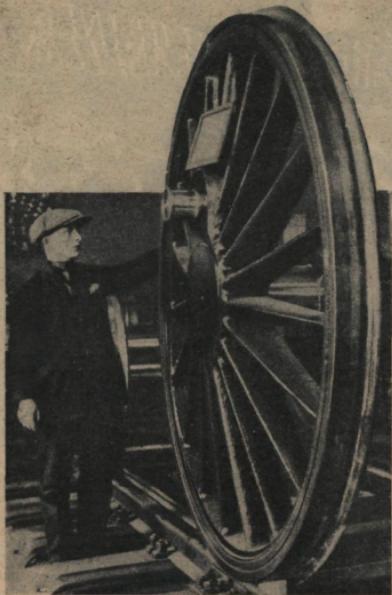
Действительно, иногда русскому комсомольцу, ни разу не нюхавшему старой капиталистической фабрики, трудно понять, что «молодежь» работает 10 час. в день, получая 6—8 марок неделю.

«У нас есть здесь завод Леуна,— пишут комсомольцы из Галле-Мерзебурга,— второй по масштабу химический завод в Германии, на котором занято 10 000 рабочих. Этот завод—в полном смысле слова каторга. Стоит кому-нибудь быть заподозренным в коммунизме, как его выбрасывают на улицу. На работу принимаются только рабочие старше 21 года, а из молодежи работают только ученики. В Галле и его окрестностях со средоточены, главным образом, металлообрабатывающие заводы, с персоналом не свыше 1000 чел. каждый. Рабочий день учеников и молодежи составляет 9—10 и даже 11—12 часов; последнее особенно у ремесленников и в небольших мастерских. Вот, например, на мануфактурном заводе в Хеттштедте (в Манфельдском округе) занято при 2000 взрослых 500 подростков, работающих 12 час. в день (с перерывом) и получающих до 17 летнего возраста 17 пфеннигов в час. Ученики при той же продолжительности рабочего дня получают первый год три марки в неделю, а второй—4 марки.

Эти факты говорят сами за себя.

Рационализация у них и у нас

Вот два отрывка из переписки комсомольцев фабрики «Красная оборона» с ячейкой немецкого автомобильного за-

НА ЗЕМЛЕ,—своими руками творя—от мельчайших деталей до сложных конструкций—весь инвентарь современного технического оборудования, создавая мир машин и ценностей, которые и в десятой доле не оплачиваются ничтожной зарплатой.

ТЫСЯЧА километров, моря и океаны, границы и «китайские стены» отделяют головной отряд КИМа—комсомольцев СССР, страны строящегося социализма—от стальных батальонов мировой армии и молодых революционеров Запада, Востока, Севера и Юга. Но сотни неразрывных нитей, преодолевая пространства и рубежи, укрепляют братскую связь между ними.

Значение этой связи велико. Русскому комсомольцу, вступившему в сознательную жизнь после Октября, не вкушившему всей сладости капиталистического строя, полезно и поучительно узнать о полицейских, о капиталистической рационализации, об эксплуатации, голодной жизни, подполье, о тех условиях, в которых борются его товарищи заграницей. Это воспитывает в нем интернационалиста. И в то же время дружеские письма из Советского Союза показывают иностранным комсомольцам, что в своей борьбе они далеко не одиночки.

Немного истории

Это было давно. В 1922 году. Одна из ячеек Сокольнического района впервые завязала связь с итальянскими комсомольцами, послав им письмо и в подарок знамя, фильму, фотографии, стенга-

Объясняясь столь странное явление, агитпроп ячейки заявил: У нас ребята все взрослые, образованные и в интернациональном воспитании не нуждаются.

В ДНИ БЕЗРАБОТИЦЫ. Английские горняки помогают своим тт. безработным, организовав артели по починке обуви.

вода «Даймлер». В этих письмах великолепно показана разница между радиоционализацией нашей и капиталистической.

«Дорогие товарищи, у нас на автомобилевом заводе «Даймлер», — пишут немецкие комсомольцы в своем письме, — сейчас проводится рационализация производства. вся фабрика недавно переоборудована заново. После переоборудования фабрики на изготовление одного автомобиля тратится всего 22 минуты. Из 4000 рабочих, работавших до ремонта, 250 выброшено на улицу».

Новые машины и станки, требуя неквалифицированной силы, вовлекли в производство большое количество женщин и подростков; сейчас на 2500 рабочих приходится 400 женщин и 1200 подростков. Заработка плата снижена на 50%. На улучшение условий труда хозяин не обращает никакого внимания. В результате сотни подростков, работающих на заводе, очень часто болеют».

Фролов — Ли Чикао

Издавна ведут переписку комсомольцы завода быв. Шукерт в городе Биское с харбинскими комсомольцами. Для лучшей связи каждый комсомолец прикреплен к китайской комсомольцу. И здесь стоит рассказать про переписку комсомольца Фролова с комсомольцем Ли Чикао, молодым рабочим английской фирмы Генри Елекстон. Долгое время переписка проходила обычно: обменивались приветами, описывали работу, дела ячейки и т. д. Но вот однажды Фролов получил от Ли Чикао следующее письмо:

«У нас на фабрике нет никаких законов, ограничивающих детский труд, поэтому больше половины рабочих составляют дети от 6 до 16 лет. Мы работаем без света, наравне со взрослыми рабочими, простаявая за станками по 12—18 часов в день. Часто разматываем коконы над котлы с кипящей водой, мы сбираемся сбрызнули руки».

Многие из наших товарищей считают, что если отверт в него руку, то это хорошо, потому что хотя в это время и будешь лежать в больнице, тебя никто не будет бить, ты можешь не работать и все же получать свою порцию риса».

На днях меня ударили надсмотрщиком за то, что я на одну минуту разогнул спину. Не выдержав, я ему сказал глубокость. Теперь я остался без работы»...

Посоветовавшись с ребятами, Фролов организовал в стенгазете сбор денег. Началось с немногого. Поместили в стенгазете заметку:

«Китайские комсомольцы борются за свое освобождение. В этой борьбе им нужна помощь. Один из комсомольцев фирмы Генри Елекстон сейчас сокращен, потому что он не хотел подчинятьсяbamбумовой палке надсмотрщика. Мы вызываем всю молодежь всех рабочих помочь комсомольцу Ли Чикао».

Бросим 5 рублей.

Редколлегия».

И в результате через десяток дней Фролов отоспал в Китай Ли Чикао перевод на 100 руб.

На помощь друг другу

В десятках писем просят заграниценные комсомольцы поделиться с ними опытом нашей работы. В тяжелых случаях, когда комсомольцам приходится выискивать новые пути для своей работы, они обращаются к своим русским товарищам за советом.

Вот один любопытный эпизод. В Чикаго забастовал электротехнический завод «Жаккард». Инициаторами забастовки оказались комсомольцы. Но как провести забастовку, чтобы выйти победителями из «поля браны», ребята не знали. Они решили срочно обратиться к русским комсомольцам, за спиной которых опыт долготильской борьбы. Они написали письмо комсомольцам завода им. Ленина, прося у них совета.

Многому можем и мы научиться у заграниценных производственных ячеек. В своих письмах ребята могут поделиться производственными достижениями, техническими усовершенствованиями. Например, письмо американских комсомольцев навело на мысль о переходе на три станка комсомольцев клининской суконной фабрики им. Ленина. Дело было так: ребята написали в Нью-Йорк письмо о том, что они работают на двух станках. И в ответ получили:

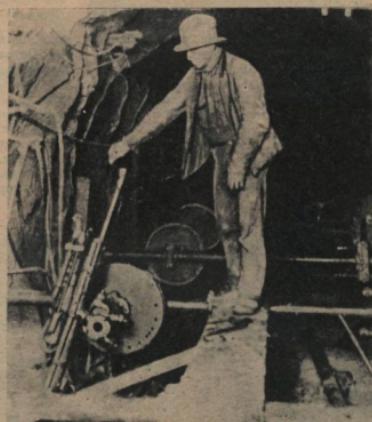
«Мы, американские комсомольцы, работаем на капиталистах и свободно справляемся с работой на 4 станках, а, ведь, наши станки быстродействие. Вы работаете на своих государства, — двух станков мало».

«Полпреды»

Должное место в общей системе работы по интернациональному воспитанию занимают «полпреды». Комсомольские ячейки выделяют специальных комсомольцев послами в разные страны. Свою работу полпреды проводят исключительно при помощи газет и книг. Они аккуратно следят за событиями, происходящими в их странах, и затем докладывают на комсомольских собраниях.

НАД ЗЕМЛЕЙ — подвергая себя риску, строя не для себя небоскребы, виллы, отели, банки, все оборудование столиц современного капитала.

ПОД ЗЕМЛЕЙ — расплачиваясь молодостью и здоровьем за извлекаемые из недр земли уголь и металлы, — миллионы юных пролетариев Европы, Америки и колоний, подвергаясь эксплуатации, вынуждены работать на капиталистов.

МОСТ В 100 КИЛОМЕТРОВ

П. И. ЛОПАТИН

Султан Сулейман и император Петр

СУЛТАН Сулейман умирал. В сумрачных покоях дворца победителя Великой Порты не слышно прежнего шума, музыки и плясок: великий владыка правоверных на смертном одре диктовал волю своему сыну, наследнику престола, Селиму II.

Тяжело на душе у Сулеймана. Чует *его* сердце, что сын его малодушен и слаб, что не под силу ему выполнить мечту отца. Но другого выхода нет, и умирающий султан поверяет шотопом свой плащ наследнику.

Есть два врага у Великой Порты: Персия и московский царь Иван Грозный. Пока могутчи они, но может быть спокойна Отоманская Порта. Но он, старый султан, знает верное средство одним ударом покончить с обеими врагами: надо только суметь провести сильный турецкий флот из Черного моря в Волгу и Каспийское море. А для этого надо сделать «прок» между Доном и Волгой в том месте, где обе реки близко сходятся друг с другом, поставть крепость там, где иныне Царцын (Сталинград), и оттуда двинуть свой флот вверх по Волге к Казани и Нижнему. Трудна эта задача, но у Великой Порты есть верный и сильный союзник—крымский хан Девлет Гирей. Он обещал дать людей, проводников, продовольствие...

А дальше шли подробности похода, перенесен в тех военачальников, кому можно поручить это рискованное дело, советы забывать и крепко настыться на покровительство великого Магомета и пр. и пр. Но не закончили султан своих наставлений и умер, еще раз подтверждив свою непреклонную волю—соединить Волгу с Доном и уничтожить московского царя Ивана.

Это было в 1566 году.

Молодой Селим горячо ухватился за отцовскую мысль. Весною 1569 г. 300-тысячное турецкое войско, высадившись в Крыму и получив в помощь 40 тысяч крымских татар, направилось на этот узкий перешеек между Волгой и Доном. Но не повезло султану Селиму. Бездорожье, голод и болезни сделали свое дело: из 300-тысячной турецкой армии только 25 тысяч вернулись в Константинополь.

Так неудачно кончилась первая попытка построить Волго-Донской канал. От нее остались только затерянные в донецких степях могилы десятков тысяч турецких солдат да заросший кустарником глубокий овраг, как доказательство смелой попытки султана Селима заставить Волгу течь в Черное море.

Прошло 130 лет. И снова почта у того же места, где голодные и умирающие войска Селима рыли свою канаву,

Будущее здание насосной станции Волго-Дона, которая будет подавать воду из Дона в канал.

ных фронтов гражданской войны, среди общей разрухи и голода, в Кремле, на заседании Совнаркома, по энергичному настоянию В. И. Ленина, выносится резолюция... «Считать сооружение Волго-Донского канала первоочередной и необходимой работой»...

И сейчас советская власть всерьез взялась за осуществление этого величественного проекта громадной водной сверхмагистрали, которую тщетно пытались соорудить власти веков нашего сего прошлого.

Волго-Дон включен в пятилетку.

Донецкий штаб, побывавший «божью кару»,

Что же даст Волго-Дон нашему хозяйству? Прежде всего новый канал поставит на прочные ноги большое сельское хозяйство Волжского края.

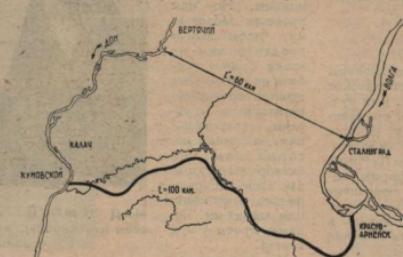
Волжские поля, хронически больны. Эта болезнь уже десятилетиями подтачивает организм края, через определенные промежутки с паразитической точностью разрывают приступами засухи, неурожая, голода.

За последние 35 лет, с 1891 по 1926 г., 3 миллиарда рублей было израсходовано... не на борьбу с недородом и засухой, а лишь на помощь пострадавшим от засухи, какицкий десятый из разоренных крестьян мок-каш встать на ноги и снова дрожать от страха перед новой нашествиями над ним «божьей карой».

И только тогда, когда от Красногвардейска на Волге к хутору Кумовскому на Дону ляжет через перешеек Волго-Донской канал, волжские поля получат, наконец, настоящего лекаря их застарелой болезни. Этот лекарь—донецкий штаб, тот отбор, при добье угли, который через канал пойдет к очагу болезни—Саратову и Вольску.

На донецком штабе, на этом наиболее дешевом топливе, которое только может получить Волга, вырастут в Саратове и Вольске мощные электростанции. Они пошлиют свою энергию насосам, а те по каналам, канавам и канавкам дадут вынужденным летом двум миллионам гектаров волжских полей влагу.

Широко поставленная ирригация вместе с колониями советских тракторов из Сталинградского завода и советские химические узлы из Нижнего— все это похоронят, наконец, ту «божью кару».

Схематический план Волго-Донского канала. Линия L¹ соединяет точки наибольшего сближения русла Дона и Волги; линия L обозначает наиболее удобное по грунтовым условиям направление для прорыва канала.

закопошились люди. Это по распоряжению Петра I 35-тысячная русская армия начала рыть канал между Волгой и Доном. Но Петр I не оказался счастливее султана Сулеймана. От второй попытки султана самодержца осталась новая канава—«Петровская». Волга погрекнему продолжала нести свои воды в Каспийское море.

Прошли столетия. Настал бурный 1918 год. И среди военных сведок с бесчи-

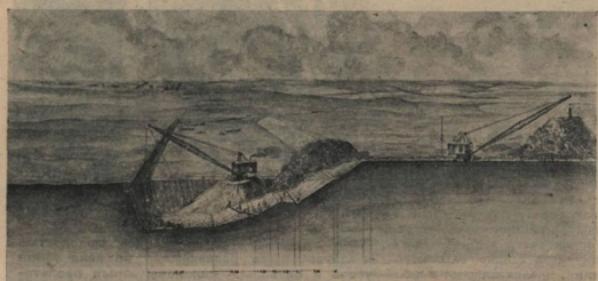

Схема разработки канала экскаваторами.

которая столетиями разоряла волжских хлеборобов, и резко увеличит урожайность Волжской земли. Трудно будет тогда узнать возрожденное Поволжье. Валовая пропускная способность района возрастет в 10 раз. Материальное благосостояние семьи на орошающем хозяйстве выразится в 1000 рублей в год на личные нужды, по сравнению с теперешними 350 рублями. И весь район вместо голодящего края станет твердой базой экспортного пшеницы в количестве свыше 300 тыс. тонн в год только с района орошения, не считая экспорта со смежных сухих территорий.

Из Донбасса на Волгу

Волго-Дон — не только ключ к повышению урожайности громадного Поволжья. Он и решительный шаг к осуществлению широкой индустриализации великой Волжской земли. Потому что Волго-Дон — это прежде всего широкая открытая дверь из Донбасса на Волгу. Через эту дверь донецкий уголь дешево попадет в наше Поволжье и заставит его, наконец, отрекнуться от прежней дремузы, запутавшей и бедность и заживь бьющий через край новой промышленной жизни.

Вот что будет на Волге тогда, когда узкой, причудливо изогнувшейся полоской перекинется канал через выжженную солнцем степь перешейка.

Донской уголок приплыл в Нижний. С пристани, с привязанных к стальных челястям скважин и транспортов, сплошным черным потоком потек он в закрома Нагарс-Нижегородской районной электростанции. И эта черная помощь, привившаяся из Донбасса,оказалась как нельзя более кстати.

Скоро, слишком скоро почувствовал Нижний, что нехватает для него только что родившегося Нигрса окружавших его торфяных блот. Потому что неожиданно бурно выросли его промышленные пригороды — Сормово, Канавино, Растино, Балахна, требуя прежде всего электрического тока. Машины выбивались из сил, черная торф нижегородских болот, ставились новые дополнительные генераторы на спешно расширяемой станции, а оттуда, из пригородов, неслось неумолимое требование:

— Еще... еще... еще...

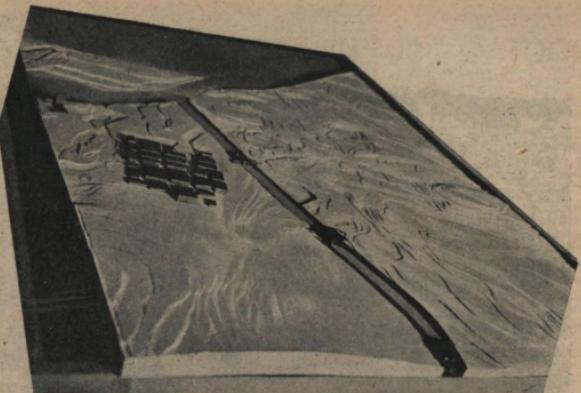
И когдато стало до очевидности ясно, что торфа нехватят, когда, казалось, надо искусственно ожать промышленную струйку лихорадочно растущего центра, — через только-что законченные шлюзы Волго-Дона с далекого Донбасса прошел первый караван угольных баржей в Нижний. И донецкий уголь переродил Нижний.

Громадная Балахнинская фабрика, к первому десятилетию Октября дававшая центру первые десятки тонн советской бумаги, утрома свою выработку. Не одна, а три гигантских машины, каждая длиною в 100 с лишним метров, не останавливаясь ни на минуту, дают сотню за сотней километров бумагой ленты.

Старое Сормово, перестраиваясь на ходу, шлет из Нижнего машины, паровозы, балки, мостовые фермы.

Нуждожно растут новый текстильный Нижегородский комбинат. А рядом с ним серой громадой вырастет первый в СССР автомобильный завод-гигант.

Дальше и дальше от станции уходит ток Нигрса. По мощным металлическим

Выход Волго-Дона из Волги (проектировочный макет). Видная слева группа строений обозначает г. Красноармейск.

башням он перешагнул уже через Оку и, прорезая леса и болота, вошел в знаменитый кустарный район Вормы и Ваги, творя там свою промышленную революцию.

Белое Поволжье

Не один только Нижний будет жаждо питьться черным угольным потоком, спустившимся на Волгу со ступеней канала. У всех волжских пристаней и новых речных портов от него оторвутся десятки и сотни тонн и пойдут в котельные электрических станций, в топки паровозов, в реторты химических заводов, создавая новые, неведомые раньше производства и до неузнаваемости изменения и расширять старые.

В верховых Ками вырастут мощные лесообрабатывающие заводы, превращающие прикамские леса в пластины и спицы, в доски и балки.

В Казани появятся новые химические мыловаренные, кожевенные и фарфорово-фаянсовые заводы.

В Самаре вырастет громадный завод искусственного удобрения, вырабатывающий 335 тыс. тонн суперфосфата в год.

Вольск превратится в центр цементной промышленности, откуда баржи и поезда будут отвозить миллионы тонн цемента на стroyку советских городов

Районная Саратовская электростанция будет питать своим током громадный завод сложных молотилок, текстильные фабрики и новый металлургический комбинат.

И, наконец, в Сталинграде вырастет новая электростанция, которая подаст ток к каналу и накормит электрическими лесопильными заводами, тысячи кубических метров получаемых опилок с которых позволят работать громадному заводу, превращающему опилки в искусственный шелк. Тут же вырастет тракторный завод, выпускающий 50 тыс. тракторов в год.

Так, перекинув водяной мост из Донбасса на Волгу, мы превратим эту дремавшую крестьянскую реку в мощный индустриальный хребет.

Так, эта маленькая, почти незаметная на карте полоска канала, соединив Урал, Поволжье, Донбасс и открытое Черное море, становится уже не частной проблемой.

Так будет выглядеть каждая из этих девяти плотин, которые будут построены на Дону для подъема в нем воды.

лемой Волги и Дона, не проблемой РСФСР и даже не проблемой СССР, а мировой проблемой, присущей великим мировым путем громадные работы строительства Советского Союза.

Проект Волго-Донского канала, составленный в конце XVII века адмиралом Крейсом.

Со стороны моря он далеко блестит на солнце белыми стенами зданий.

В СТОЛИЦЕ КОЛОНИИ

Очерк В. Н. ЖУНОВА

ПОРТ Алжир—столица обширной и богатой французской колонии—Алжира, на северном берегу Африки.

Со стороны моря он далеко блестит на солнце белыми стенами зданий, живописно расположенных амфитеатром по уступам гористого берега.

Внизу шумят, полны жизни порт, дымится трубами многочисленных пароходов. Наверху, на широко расчищенной горном уступе, начинается европейская часть города. Здесь, за широкой бетонированной панелью, ссырывающейся отвесной каменной стеной, к порту с массивной решеткой и спусковыми лестницами, выступил первый ряд 5—6-этажных зданий несложной архитектуры.

Только длинные балконы, украшенные яркими коврами и установленные цветущими вазонами, нарушают однообразие

казарменного стиля и говорят о роскоши обитателей.

Кое-где темно-зеленые провалы проплывают пальмами сады и парки.

Далее распланировано несколько такого же типа кварталов и улиц, с гравийными, автомобилиями, открытыми ресторанами. Под навесами ресторанов проходят французские дельцы, по асфальтовым дорожкам лениво передвигаются купчи-арабы, в белых бурнусах и чилмах, разраженные и размалеванные французскими кокотки фланкируют у витрин магазинов. Протестом вызывающей наготе последних пугливо проскальзывают арабские женщины, задрапированные до глаз в ткань.

За этой внешне-культурной обличицой Алжира, прикинувшись вплотную к спуску ущельям и долинам сгрудились трущобы туземцев-арабов.

Несмотря на постоянное солнце, в этих трущобах стоит мрак, сырость и вонь. Тут обитает вся нищета, весь рабочий класс Алжира. Существует он, главным образом, за счет порта, где детский труд конкурирует с трудом взрослых и где зарплата портового рабочего колеблется от 10—15 до 22 фр. в день—при прожиточном минимуме 25—30 фр. Только квалифицированные рабочие и надсмотрщики вырабатывают 30—40 франков.

Жилища арабов представляют беспорядочное нагромождение каменных лачуг друг на друга; в тесных клетушках, с давящим потолком и каменным полом, на котором спят, подостав чиновникам и испрепаные ковры, коятся семьи арабов. Скупой свет проникает сюда через узкие оконца, заделанные решетками. Холостяки при безработице проводят

большую часть дня в т. н. кофейнях, питаюсь греческим напитком и развлекаются игрой в кости. Здесь же они и спят на грязном каменном полу кофейни или прилегающем чулане, тесно прижавшись друг к другу. На почве нищеты, в арабских кварталах нередки скоры и убийства. Тут же создаются экономические и политические базы для возмущения против насилия и угнетения французских колонизаторов. Поэтому наиболее частыми гостями арабских трущоб являются французские полицейские, которые предпочитают ходить здесь группами. Нередко заглядывают сюда и толпы английских и американских туристов, прибывающих на специально зафрахтованных комфорtabельных судах.

В бинокли и лорнеты рассматривают они арабскую нищету, фотографируют и записывают блок-ноты. Делают это с такой же «значимостью», с какой изучают неорганическую природу. Попытавшись на улучшение положения туземцев для них значило бы лишить себя удовольствия видеть эту жизнь в ее отвратительной наготе, свойственной, по их мнению, нашимрасам и классам.

Однако, англичане, американцы и французы, предоставив арабам оставаться в их «естественном состоянии», считают своим «святым долгом» позаботиться об их душах. Для «очищения от грехов» и «спасения» арабских душ они жертвуют крупными суммами специалистами по духовным делам—миссионерами. Не в меру упиванные на жирных подачках, католические и протестантские миссионеры наперебой спешат выбывать грешные души арабов, с ними и барышы, из рук математических мулл в лоно католической церкви.

Европейские комфортабельные кварталы Алжира.

С этой целью они в изобилии снабжают голодных арабов «духовной пищей» в виде многочисленных религиозных прокламаций из священного писания, переведенных на арабский язык, библейских и евангельских картинок и плакатов, расклешенных по стенам улиц и развесанных, где только возможно.

* * *

Занимая выгодное географическое положение, Алжир является крупной угольной базой для снабжения пароходов, проходящих через Гибралтарский пролив и Средиземное море.

За этим в Алжир изредка заходят и советские суда. Иногда мы принимаем там пробку и вытряхиваем лесные материалы.

Теснота бухты заставляет суда отдавать оба якоря и швартоваться кормой к набережной.

Сообщение с берегом поддерживается при помощи яличников-арабов.

Последние, чтобы легче было их опознавать, поднимают на себя на корме национальный флагом обслуживаемого судна. То же делает и наш постоянный яличник—Абдул, высокий, сухощавый араб с поседевшей бородой. Он бесменно дежурит у трапа, ночью его лишь на несколько часов сменил отец—80-летний старик.

Изредка Абдул поднимается на борт к нам побеседовать. Его подкупала простота обращения как с равными и не только матросами, кочегарами, но и администрацией. Он спокойно мог входить в кают-компанию, в то время как на французских или английских судах туда запрещается заходить даже собственной команде (на английских судах низшей команде запрещается показываться на спардеке без служебных надобностей).

Абдул знает немного русских слов, с помощью которых он кое-как обясняется с нами. Недостаток он заполняет французскими или английскими.

В империалистическую войну Абдул был солдатом французского экспедиционного корпуса алжирских стрелков. С ними он совершил в (1918 г.), в десантной экспедиции союзников, путешествие в Ставрополь. Там он и «заразился» совместно со многими другими товарищами большевизмом. Впрочем, большевизм Абдула сильно подмешан национально-патриотическими идеями.

Как-то, шутя, его спросили:

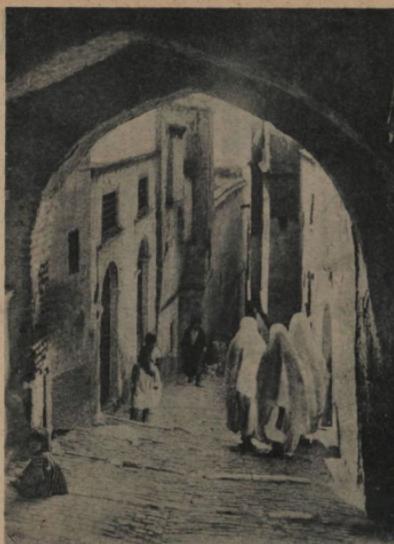
— А что, Абдул, пойдешь опять вовать против большевиков, если французы об язят нам войну?

Уяснив вопрос, глаза Абдула засветились гневными огоньками, лицо приняло суровое выражение жестокой решимости. Он отвечал:

— Все мы, бедные арабы,—большевики, нас много, французов мало: мы с нетерпением ждем войны. Но война эта будет не против русских большевиков, а против французов,—наших врагов. Они забирают у нас все, нам они оставляют ровно столбик, чтобы мы не умерли с голода.

Мы ждем войны, чтобы нам выпадали только оружие. Тогда вы узнаете, что получится. Все это, что вы видите, перейдет немедленно в руки арабов. А французы, если им удастся, пускай спешат в свою Францию на своих пароходах. Мы не пойдем их грабить на родине так, как они пришли грабить нас у себя дома.

Развивая свою мысль, Абдул показывал на полный судов порт, набитые товарами

Принявшиеся вплотную к горам, сгрудились трубы туэзцев-арабов.

огромнейшие склады на берегу и возвышающиеся громады зданий города.

Днем Абдул старался держаться под вescами близ парохода, на равном расстоянии от берега и трапа. Новенький советский флагок указывал корму его ялика.

Позиция, занимаемая яличником Абдула, дала возможность видеть издали и с разных сторон советский флагок.

Иногда Абдула окружала толпа яличников, которым хотелось что-нибудь узять про подлинную жизнь той далекой страны, которая первой подняла этот замечательный флаг.

Алжирский порт—крупная угольная база Гибралтара.

Тогда эта маленькая флотилия, с пестрой, оживленной, яничники-арабов, представляла собой нечто вроде пловчего митинга.

Абдул с достоинством, высоко подняв голову, рассказывал своим землякам про жизнь и быт русских моряков—большевиков и все, что ему удалось узнать от них про жизнь в СССР.

Однако, такое поведение Абдула, видимо, раздражало французскую портовую полицию, зорко следившую за нашим пароходом и за всем, что делалось вокруг него.

Как-то на третий день нашей последней стоянки Абдул поднялся на борт в крайне угнетенном состоянии.

— Что с тобой, Абдул?— окружили его несколько наших.

Абдул неохотно отвел глаза и, словно скривив ими, проговорил:

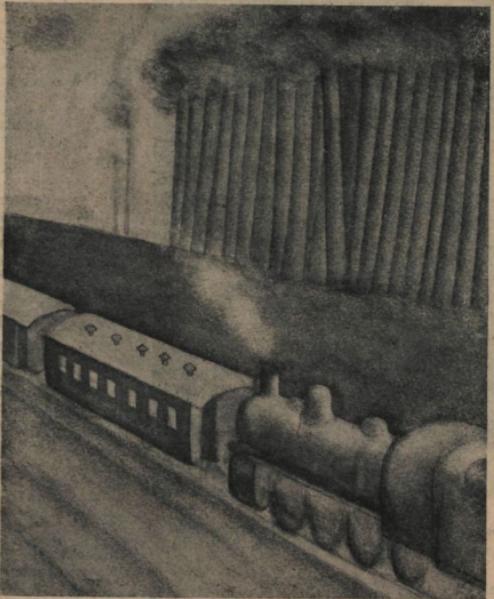
— Сержант, неголяй, французская собака: заставил меня снять советский флаг и обещал выгнать из порта, если я его опять подниму.

Мы его утешали, что не стоит особенно горевать из-за гнусной выходки французского сержанта.

Успокоившись, Абдул снова занял свою позицию. Флагок он положил впереди себя на бакне. Теперь он зорко следил за берегом и пароходом. И как только замечал желающих перехватить, высоко поднимал за штыки флагок и махал им несколько раз, чтобы его увидели.

Через сутки мы отдали концы и отошли от алжирского берега. Рабочие и яличники-арабы махали нам шапками на прощанье.

Абдул на своем ялике отплыл впереди других. Стог во весь рост, он поднял советский флагок и красноречиво провел им от кормы ялика и в направлении города.

Геодзи бы делали из этих лодей?
Кренче бы не было в мире мордей.

Н. Тихонов

ДОГОВОР не подписывали и не регистрировали ни в какой организации. Просто крепко-на-крепко врезали в память параграфы соглашения.

— Ни одной няньки на работу.
— Ни одного опоздания на работу.
Поеизда вести точно и в срок.
Потому что

— Мы—ударная,—

так сказал старый кондуктор Малашенко своей бригаде—трем кондукторам из молниека.

И вовсю четверо подписали договор. Без чернил и не на бумаге.

Мыслимся, энергичней—в памяти был записан договор четырех.

* * *

— Пацата с делом не справится.
— Зрящая выдумка это.

Так говорили старики-кондукторы, когда узнали о неписанном договоре четырех.

И, встречая Малашенко, часто в беседах советовали:

— Отканись. Мертвое дело. Лучше не свинчивайся.

После таких встреч Малашенко еще более хмурил брови и, не сглаживая на лбу упрямую морщину, молча отмахивался от уговоров.

* * *

15 апреля ударная бригада стала к тормозам красной вереницы товарных вагонов.

Заурчал пар в железном кotle паровоза. Скрипнули колеса вагонов.

Ударная повела первый состав.

Буны дней обрывала невидимая рука времени. Размеряла месяцы неделями и часами—дни.

В лязге колес, паровозных свистках, четко рассчитанных циферблатом железнодорожных часов, прошел апрель и половина мая.

Договор не нарушался. Четверо не давали ни одного прогула, и в книге приказов, где черными строчками пестрят параграфы взысканий лодырям и нарушителям трудовой дисциплины, неизъяснимо было найти фамилию ни одного из четырех.

Упрямая морщина на лбу Малашенко сложилась. Смесь огоньками глаз, он встречал старииков-товарищей по работе краткой фразой:

— Видели?

Те недоверчиво щурили глаза и ворчали:

— Посмотрим...
Не хотелось верить старикам, что может их победить мололен.

И они не верили даже фактам.

В четких линиях график, в столбцах учетных книг движения поездов рассказывалось, как, не опаздывая ни минуты, ведет свои поезда бригада Малашенко. Без опозданий и без прогулов.

* * *

«Мы—ударные»—этим лозунгом в тысячи минуты непогоды, когда ветер застилал путь непелой пылью, а косой ложь колет лицо иглами капель,—этим лозунгом боярил бригадир свою бригаду.

И бригада шла на подиги.

* * *

ДОГОВОР ЧЕТЫРЕХ

(Из эпизодов соревнования)

Был день, когда длинный состав, перестукиваясь железным говором колес, медленно бежал по блестевшему от дождевых капель пути.

Состав вела бригада Малашенко. Маршрут: Иловайск—Марьево. Девять часов работы, а потом отдыши.

Близился конец последнего перегона. Мельнули огни первых стрелок полустанка Марьево, в ответ на призывающий свисток паровоза откликнулся рожок стрелочки, и высоко поднятая рука семафора открывала свободный путь.

Тормоза зашили. Кончился говор колес. Состав стал.

В комнате дежурного по станции сменился бригадир не оказалась.

Пришлось ждать. Ждали десять, двадцать минут, почаса.

Догоняя друг друга, стрелки часов сигнализировали простой горячего под парами паровоза, перегул вагонов.

А смены не было.

Уже гулко пробили часы. Нервно отмерив шагами углы комнаты, Малашенко глядел на свою бригаду.

Стальные ребята, сгрудившиеся на одинокой скамье, дремали.

Но вот в тишине комнаты сигнальным рожком пробасил голос Малашенко:

— Братва. Мы—ударная. Так?

— Так.

— Просто допускать нельзя. Будем смотреть, как перегул вагонов и горячий паровоз дают сотни рублей убытка нашей стране?

Ребята поняли. Сигнальный зов:

— Мы—ударная,— отогнал сон.

— Ставим состав на ростовский путь и движаем.

— Есть.

* * *

Удивленный дежурный выписывал путику.

Молча стояли к тормозам кондуктора. Паровоз загудел, снова лязгнул буферы и заговорили, перестукивались, колеса. Поезд пошел на Ростов.

Нужно было не только довести состав, но довести его к сроку—выполнить точно третий пункт заключенного договора.

Нагоняя на перегонах минуты, состав бежал мимо станций. С моря бодрящей струей подул ветер.

Мелькали огни станций: Морская—Синявская—Хапра—Гниловская.

Замаячи Ростов в гудках паровозов и бесконечных вереницах маневрирующих составов.

Усталыми глазами глянул Малашенко на часы.

Точно к сроку доставила бригада состав к станции назначения.

* * *

Когда ударная вернулась в Таганрог, старики-кондуктора не шутили недоверчиво глаза.

— 10 лет я работаю на этом узле, но подобного не видел. Не видел,—повторил старики Степанов. И, вспомнив шутки и насмешки над ударной, виновато поклонил руки четырем.

Те, улыбаясь, сказали:

— Мы—ударные.
И ничего лучше.

Семен Липшиц

СТИХОТВОРЧЕСТВО

Под редакцией В. А. ПЯСТА

КОНКУРС ПЗОНОВ

Пятнадцатый еще раз условия объявленного нами в № 13 первого нашего ритмического конкурса «Пзонов».

Читатели приглашаются написать и присыпать под общим названием «Пзонов» стихотворения, которые должны быть написаны не дважды, что и на стихах, а внутри должны находиться адрес и фамилия автора, — стихотворение на любую тему, написанное в одном и чисто-эпических размерах.

Из предыдущего отдельного стихотворчества, в которых печатались части введенной в стихотворение, читатель знает о том, что в стихах есть такие разные написанные строки, когда на каждые четыре строки приходится лишь один ударный (ударенем), при чем систематически на эпизод и том же месте, то есть следует одна строка с четырьмя тактами, но без акцентов три строки. В данном же случае, по нашему мнению, четырехстопная, считая от начала стиха, приходится на зерно называемое ею в первом (погода удара на первом слоге каждого стиха), в третьем и на четвертом и т. д. В зависимости от того, на сколько строк это приходится в каждом стихе (считая строку по числу ударных слогов) и не принимая во внимание того, сколько за ударным слогом зерна имеется в стихе, в ее конце, еще сколько безударных зерен, то зерно изображается однозначно, двустопными, трехстопными и т. д., — совершение аналогично тому, как есть двухстопные, четырехстопные, трехстопные и т. д. хореи, имбы, дактилы, амфирбии и аналогичные.

Мы хотим напомнить, которым подлежат с читателями, что до последнего времени в русском стихосложении существовали почему-то лишь четырехстопные прозы, и первые, и вторые, и трети, и четырехстопные хореи, но не грамматически в виде отдельной строки. Из восемнадцатого века в «Словаре языка» (см. № 8-я «Словарь», § 7) образовалась романовая строка Гейне, с его рифмами через строку («занятовинована им у испанцев»), путем следования в строках и принятия зерна из конечной строки в начало.

Цезура играет весьма большую роль в гекзаметре и пентаметре, о чем после.

В античном шестистопном имбе пазура была не после третьего ямба, но после неударного слова в этом третьем ямбе, вроде:

Бот классический стих «законополагатель французской метрики Було», в переводе Т. М. Казимировой, сделанном также членом-исследователем:

Потом все тех же лиц,—одних без

без перреми.

Лихие гневные прерывистые звукотяги,

И зевни бунической кривоногой заботы,

— а это мы цитируем пример иез-александрийского шестистопного имба (из М. Волошина):

Однако, вспомнивши о том, что, нет,

в четырехстопном имбе, обозначена на половине стиха (после третьего ямба) цепь,

§ 10. *Пезура* называется рассечением стихотворной строчки на две части (не всегда одна из которых имеет зерно), причем одна из них имеет зерно, первым на пути произнесения зерна длиной в один такт. Напрочем, пазура присутствует часто и в коротких стихах: в пятистопном, а иногда и в четырехстопном, имбе. Она есть остановка по смыслу, пауза. В этом же месте согласно правилу должна стоять одна зерно, но и певая группа логически объединенных слов. Впрочем, обязательно лишь опонентные слова. Смысловая цезура не всегда совпадает с зерном, и потому зерно на пазуру выдается настолько сильно, что губит (погода она смысловая, и строго прощена во всех стихах), что может итти речь об имене «членение» данного стиха, и наименование «полустопие».

Мы приведем в виде отдельной строки из восемнадцатого века из «Словаря языка» (см. № 8-я «Словарь», § 7) образованную романовской строкой Гейне, с его рифмами через строку («занятовинована им у испанцев»), путем следования в строках и принятия зерна из конечной строки в начало.

Цезура играет весьма большую роль в гекзаметре и пентаметре, о чем после.

В античном шестистопном имбе пазура была не после третьего ямба, но после неударного слова в этом третьем ямбе, вроде:

Грозы осени, были бы вечер не ярко.

Пользоваться такой цезурой среди ямбов с четырехстопным ритмом неизвестно с большой осторожностью, — да и в античном стихе, в «Александрии» она недопустима.

В пятистопных имбах различают виды: со строгой пазурой после второго ямба (четвертого слова), с пазурой после первого слова, с вольной пазурой, (то есть после четвертого), то после

третьего, от после пятого слогов, то после шестого слова, и, наконец, вовсе без цезуры) или не иметь цезуры, так как после I—II и III—IV стихов опонентные слова или даже смысловая остановка не считается за пазуру; остановка же после третьего или четвертого слога считается цезурой или фразоупотреблением, т. е. в зависимости от здравия.

§ 11. *Гипостаса*. Как мы видели, в русском стихе лишь как исключение встречаются стихи метрической формы, — «всех звучания чистыми звуками», то есть состоящие из одних лигнитических или хореических звуков. Вместо ямбов и хореев являются поэтом лирики или спондей, вместе лихореев и лирибонов — из различных видов языка хореи, или антитрипты из языка лирии. Вот здесь замены одной стихи требуются здесь согласие «фаддинским» метром, другого и называется гипостасой. Гипостаса в лигнитическом стихе, или мы видели, придают разнообразие звучанию языка. Гипостаса, или чистые, при ритмической бесконсистентной остановке, то есть, служат украшением стиха, — делая его более певучим в случае замены ямбов лирическими, либо — и более затрудненным в случае замены спондей.

Обратное значение происходит в чисто-лизионических стихах. Здесь гипостаса будет именована (и не зря) лихореем или динам, У Бальмонтом *плюм второй*:

Тебяль не знать? — Не первый ты, что
молодость, гибель, слуги,
Отверг живые радости, и стал себе плюм.
И тапицы в чревом я зеял, зеял
стариков...

настояльно изобличает при зонничном метре лигнитическими гипостасами, что на основании присутствия в них знания русского стиха сказали Б. В. Ташевский: «Все присущее антическому и зонничному стилю обманчиво в русском стихе лигнитических размеров вообще».

§ 12. *Эпитетами* в античном стихосложении называются четырехсложные стихи, сопровождающие в первом месте одним кратким словом, которое, как правило, поется среди первых, имеющихся зерен, полностью именами первыми, вторыми, третьими и четвертыми. В русском стихосложении мало, но имеются четырехсложные стихи, то есть зерна четырехсложных языков без зерна. Если и имбы или хореи приписываются с языком либо стороны спондей, то выйдет один из видов эпитетриста. Стихи: *швед*, *риск*, *коет*, *рубит*, *рек* и т. д. Слово «швед» (имя языка) в языке эпитетриста в плановом размере невозможна (в хоресическом или лигнитическом — обычна). Это — одни из признаков, отличающих чисто лигнитические стихи.

ПОПРОБУЙ И ТЫ!

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ПЕРВОГО КОНКУРСА

(Окончание)

№ 16. Магические квадраты:

ГОРА	МУКА	УПОР
ОМАР	УРОД	ПУМА
РТА БА'	КОСА	ОМУТ
АРАБЕ	АДАМ	УРАТЬ
БЕГОР	УНТА	
ГОРЫ	АТОМ	
СОДАРЫ	КИПРАМ	АИСТ
ОВИН	ИГРА	ИКРА
ДИВО	ПРОК	СРУБ
АНОД	РАКИ	ТАБУ

№ 17. Задача — Ленин.

№ 18. Инициалы «Сменим» (смотри диаграмму справа).

№ 19. Задача — «Помыл» производительность труда, увеличенная вдвое.

№ 20. Задача — «Чтай и распространяй «Сменим».

№ 21. Поповский лабиринт — выход

вверх.

№ 22. Ребус — Вино преснет и т. д.

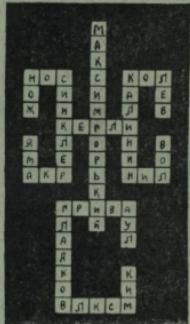
№ 23. Фокстрот — Троицкий напа.

№ 24. Задача — «Шутка» — 1. Репа. 2. Грозный. 3. Весна. 4. Востон. 5. Болгарский лев (стоит 37½ к.).

ИТОГИ КОНКУРСА

Конкурс, проведенный отделом «Попробуй ты», закончен.

Итоги конкурса показали, что только постепенно участники могли рассчитывать на премии. Победителями конкурса оказались следующие товарищи:

А. Нарышкин (поселок Казачон, ЧЧО) — 1 премия — 35 очков.

Б. Мягкий (поселок Казачон, ЧЧО) — 2 премия — 21 очко.

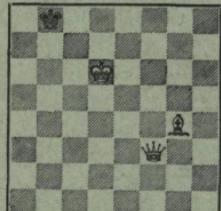
С. Хаскин (поселок Озетонка) — 3 премия — 18 очков.

Указанные тут просим присыпать свои точные почтовые адреса.

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. СЛОНИМА

ЗАДАЧА № 13
Б. СТАВРОВ

Белые: Кр d6, Ф3, С g4 . . . (3)
Черные: Кр b5 (1)
Мат в 2 хода.

ПАМЯТИ П. ОСТРОВСКОГО

В тренаже очень короткого времени мы проходилися писать, что второй искророг памяти безумно умных шахматистов. В Ленинграде утонул во время пытливые одни из самых молодых и талантливых наших шахматистов Павел Борисович Островский. П. Б. родился в 1915 г., рано увлекся шахматами и в 19 лет, в 1934 г., уже одержал блестящую победу на Ленинградском первенстве союзных городов 1934 г., завоевав 1-й призпереди таких мастеров, как Романовский, Созин, Готтлоб. В том же году он занял 1-е место на всесоюзном юношеском чемпионате. Этого успеха соединил с серьезным отношением П. Б. к шахматам и оригинальностью остроумия, это играло привлекательную роль в нем. П. Б. всегда считал, что шахматы — это не только для самых молодых людей.

Беспримечательной смесью прервала эпоху памяти о шахматисте. Она тем более воспринимается каким, что вопросы шахматной смены являются сейчас актуальными и интересными, и в лице П. Б. мы имеем одного из самых ярких, самых талантливых представителей шахматной молодежи. Приводим одну из партий П. Б. с его собственными примечаниями.

ПАРТИЯ № 6

А. ГЛДИССАИ
Лиссии
Островский

(Белые) (Черные)

1. Kg1 - f3 c7 - c5

2. Kb5 - e5 Kg5 - f6

3. Kb1 - c3 Kg5 - f6

Получается симметричный, выигрыш дебюта 4 полей с той лишь разницей, что изменился «+» в дебютной пешечной линии.

4. g4 - g3 g7 - g6

5. Cf1 - e3 Cf8 - g7

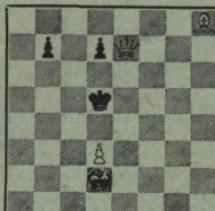
6. d4 - d3 d7 - d6

7. Fd4 - e1

План белых теперь лесенка: Сез, Ф3 и С8, чтобы уничтожить важного слона черных. Ту же

ШАХМАТЫ

ЗАДАЧА № 14
В. ПОТАПОВ

Белые: Кр d2, Ф7, С h8 (4)
Черные: Кр d3, п. d7 (3)
Мат в 3 хода.

ШАШКИ

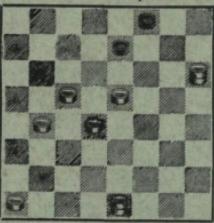
Под редакцией В. В. МЕДКОВА

3-й конкурс решений задач и этюдов

Задача № 4
Л. ЛИБЕРМАН (Киев)
Посвящается В. В. Медкову
Печатается впервые

Этюд № 14
Л. Н. ДЕНЕНБУРГ (Прилуки)

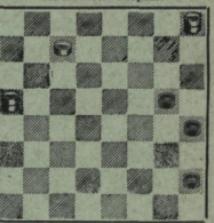
Печатается впервые

Белые: Д. e1, h8; пр. п. 1, b4, c5, d4, e5 (7)

Черные: пр. п. 2, f7, f5 (3)

Белые начинают и выиграют простую комбинацию.

Белые: Д. а5, h8; пр. с7 (3)

Черные: пр. п. 2, g5, h2 (3)

Белые начинают и выигрывают.

Результат 2-го конкурса решений шахматных задач и этюдов журнала «Смена». В нашем 2-м конкурсе решений участвовало 111 авторов из 11 городов СССР. Всего было решено 15 задач и этюдов, за исключением непечатаемого этюда № 15 И. Станищевича. Качество помеченных в 2-м конкурсе задач и этюдов следует отметить, что в первом конкурсе, так как, во-первых, число побочных решений настоящего конкурса уменьшилось до 11, а количество задач и этюдов слегка увеличилось. Второе место по количеству побочного решения занимает задача № 15 из четырех, в задаче № 2/18-да и в этюде № 4/22-олю.

Максимальное число очков за решение всех задач и этюдов 2-го конкурса — 48 очков и, кроме того, 9 побочных решений; всего 47 очков.

Призы получают следующие топ-лидеры: приз за самое наибольшее количество решений: № 2/18-да, Л. Рубинштейн (Ленинград) — 45 очков.

№ 2. А. Н. Кашев (Чеканово-Некрасовка, Краснодар) — 44 очка.

№ 3. А. А. Арефьев (Москва) — 43 очка.

№ 4. Л. Либерман (Киев) — 40 очков.

№ 5. В. С. Маркина (Ленинград) — 40 очков.

№ 6. Н. С. Соловьев (Москва) — 39 очков.

№ 7. Е. Ш. Сапко (Кызылорда) — 39 очков.

№ 8. Шахмат-шашки клуба Московского технического института связи — 39 очков.

№ 9. В. Н. Богуславский (Ростов/Д) — 38 очков.

№ 10. С. Губанов (Киев) — 38 очков.

№ 11. П. Ф. Бахадоров (Б. Винера) — 36 очков.

№ 12. Г. В. Рюмин (Баку) — 28 очков.

№ 13. Юрий Шмидт (Харьков) — 28 очков.

№ 14. Б. А. Корешков (Череповец) — 27 очков.

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

И. ФОМЕНКО (Ленинград). Задача неинтересна, так как не

имеет вариантов. Попытайтесь составить что-нибудь с исходными, обозначенными в одной задаче, обязательно добавляя решение.

К. А. КОВАЛЕВ (Аткарск). Конечно, воспользуйтесь.

Н. ХОЛАЗОВЫЙ (Архангельск), И. СОЛНЦЕВОЙ (Москва), З. СИДОРЧУК (Харьков), В. ВАКС (Бишкек). Благодарим за привлекательный материал.

ЮРИЙ ШМИДТ (Харьков). Этюд хороший, особенно № 2, имеющий интересную, на мой взгляд, разновидность планов.

Л. НАЗАРОВ (Вел. Луки). Конкурс составления задач и этюдов возможно будет организован. Авторы, участвующие в конкурсе, должны присыпать за свои задачи и этюды то, что число очков, но им, конечно, не будут засчитаны очки за найденные ими в своих задачах подобные решения.

Г. РЮМИНОВ (Баку). В конкурсантов могут участвовать все желающие.

Г. РЮМИНОВ (Баку). Этюд не подходит.

А. А. СИДОРЧУК (Архангельск). Однократные варианты задачи печатать в «Смене» мы позволимся, за исключением склоняющихся задач, особенно если они представляют интерес. Приславшая задачу познакомится, этюд составлен на старую тему.

Г. РЮМИНОВ (Ленинград). В нашем конкурсе № 1 и № 2 на первом месте, № 3 — старая тема и № 4 — лирическая панда в варианте, где вместе 2. с1—b2 мояня также 2. g7—f6, что окончательно портит задачу. Этюдами постараюсь воспользоваться.

К авторам задач и этюдов № 1

Образованы с усерднейшей помощью и авторами задач и этюдов присыпать свои произведения.

На ДИАГРАММАХ, можно разместить хотя бы от руки, и с добавлением плана, схемы решения.

Сведения участников конкурса с решениями

Все приславшие хотя бы одно решение зачисляются участниками конкурса.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

«СМЕНА»

Редакция: Москва, Центр, Новая площадь, д. 6, тел. 1-81-01.
Контроль: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., д. 6, тел. 5-67-03.

№ 16 Август

ПОДПИСЧИКА ПЛАТА: «Смена» 1 год — 2 р., 6 мес. — 1 р. 5 к.; 3 мес. — 1 к., «Смена» с прилож. журн. „На сушке и на море“: 1 год — 3 р. 45 к., 6 мес. — 1 р. 50 к., 3 мес. — 95 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Присяга юных пролетариев Русской области (стихотворение Ф. Олеся), Красная книга (поэма), Борислав (роман), Красная книга (поэма), Б. Лукин — Костры 1919 года (очерк), Будет научить землю, В. Ульянов — Через рубежи (очерк), П. Лапатин — Мост в стиле километров (очерк), В. Жуков — Столицы юности (очерк), С. Лишинский — Договор четырех (очерк), На фронтах 1929 года (фото-страница).

СТИХОТВОРЧЕСТВО. ПОПРОБУЙ И ТЫ. ШАХМАТЫ. ШАШКИ.